

Г. Н. МОИСЕЕВА

РУССКАЯ ИСТОРИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ РАДИЩЕВА
1780-х ГОДОВ

В начале «Путешествия из Петербурга в Москву» есть фраза, которая составляет как бы лейтмотив всего произведения: «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала» (I, 227).

Сочувствие к этим страданиям побудило А. Н. Радищева написать «Путешествие из Петербурга в Москву», сконцентрировав в этом произведении весь запас накопленных знаний и наблюдений, всю силу негодования, которое было вызвано в нем российской действительностью.

Своей задачей Радищев считал не только «отнять завесу с очей природного чувствования», показать жизнь без прикрас, но и понять причины, порождающие страдания народа, чтобы устранить их. Отсюда его интерес к истории и особенно к истории России на протяжении всего ее многовекового развития; отсюда же его внимание к происхождению правовых институтов, определивших социально-экономическое устройство государства.

Интерес к истории у Радищева неразрывно связан с его общественно-политическими идеями. Поэтому целесообразным представляется, в связи с проблематикой настоящей работы, сделать попытку рассмотреть, какое отражение нашли занятия Радищева русской историей в его произведениях.

Выявленные Д. С. Бабкиным выписки Радищева из древнерусских летописей и законодательных памятников («Русской Правды», «Уложения»), из сочинений В. Н. Татищева и Г.-Ф. Миллера, сохранившиеся в Архиве Воронцовых, датируются по водяным знакам бумаги 80-ми гг. XVIII в. (III, 569). Следовательно, Радищев делал эти выписки и изучал «Летопись Нестора» по изданию «Библиотеки российской исторической» 1767 г. (о чем свидетельствуют его многочисленные пометки в тексте)¹

¹ Экземпляр издания «Библиотеки российской исторической», сохранившийся в библиотеке М. Н. Лонгинова в ИРЛИ АН СССР (Шифр: ЛО.58.7), обнаружен Д. С. Бабкиным. Ю. М. Лотман издал текст, отмеченный пометками А. Н. Радищева; см.: Радищев — читатель летописи. Публи-

в те же самые годы, когда работал над «Путешествием из Петербурга в Москву», «Житием Федора Васильевича Ушакова» и «Письмом к другу, жительствовавшему в Тобольске». Кроме того, в 80-х гг. XVIII в. Радищев одновременно работал и над юридическим трактатом, не оконченным им из-за ареста, — «Опытом о законодательстве», в который также включены исторические экскурсы. Поэтому представляется целесообразным рассмотреть, как соприкасаются сочинения Радищева в области проблем русской истории.²

«Опыт о законодательстве» начинается мыслью, близкой к идеям «Путешествия из Петербурга в Москву». Радищев пишет: «Государство есть великая машина, коея цель есть блаженство граждан <...> Мы не можем лучше делать наших размышлений о сей столь важной и столь достойной всего нашего внимания вещи, как рассуждая с достойными им благоговением и тщанием и со всевозможною по силам нашим точностию, сперва о предметах, потом о существе и совершенстве, о издателе, а наконец и о исполнении законов. Истинна и блаженство ближняго будут при оном наша единственная цель» (III, 5). Радищев-юрист хочет составить единый свод законов, основанный на исторически сложившихся в каждой стране «законоположениях». «С издания в России уложения, — пишет он, — в России состоялися законы, коих число нещетно, и неудобства здесь таковы же, как и везде. Сему намрена была пособить ныне царствующая императрица, изданием нового уложения. Но важнейшия может быть дела отвратили ее до сих пор от того внимание» (III, 8).

Радищев говорит о том, что «в России <...> два члена общества: государь и народ». Государь обладает самодержавной властью. «Мы возрим царя, на престоле сядящего, и скажем нечто о праве государя и о его обязанностях» (III, 9).

«В России народ разделяется на три главных состояния: духовенство, воинство и гражданство.

Духовенство есть двойное, белое и черное, или монашество. Воинство сухопутное и морское.

Гражданство на многие звания разделяется. 1-е дворянство. 2-е купечество, мещанство и цехи. 3-е дворцовые и государственные крестьяне и другие в ведомстве экономии директора находящиеся. 4-е крепостные. 5-е вольные <...> люди» (III, 9).

Приведя этот большой отрывок из «Опыта о законодательстве», мы должны сказать о том, что при издании этого сочинения по автографу, хранящемуся в Архиве Воронцовых,³ примечания

кация и вступительная заметка Ю. М. Лотмана. — В кн.: Труды по русской и славянской филологии. Вып. VIII. Литературоведение. Тарту, 1965, с. 213—234.

² Вопрос об изучении «Путешествия из Петербурга в Москву» в связи с другими его произведениями поставил И. Я. Шипанов (см.: Еще раз о А. П. Радищеве. — Вопр. истории, 1957, № 6, с. 127). Мы рассматриваем произведения, над которыми Радищев работал одновременно.

³ Архив ЛОИИ, ф. 36 (Воронцовых), оп. I, № 398, л. 126—152.

Радищева, помещенные им на боковом поле, по неясным причинам перенесены в варианты. Между тем в примечаниях Радищева содержатся ссылки на источники, что является важным компонентом сочинения.

Приведем некоторые примеры.

Формулируя законоположение о дворянстве, Радищев помещает примечание:

«О дворянстве вообще. I. Дворянство^а есть нарицание в чести, различающее от прочих тех, кои оным украшены.

^а Наказ. Гл. XV, § 360».⁴

Открываем «Наказ ея имп. величества Екатерины Вторья, данный Комиссии о сочинении нового Уложения», гл. XV, § 360: «Дворянство есть нарицание в чести различающее от прочих тех, кои оным украшены».⁵

В «Опыте о законодательстве» Радищева: «Дворянство имеет разные права, которые люди другого состояния иметь не могут, яко то иметь деревни и крестьян. Будучи в нижних военных чинах, не быть биту палками, из службы выходить по желанию, носить шпагу и пр.» (III, 19—20). В рукописи добавлено на боковом поле: «Герольдмейстерской инструкции <1>722 года февр<аля> 5 дня, пункт 785».⁶

Обратим внимание на член III, озаглавленный «Как право дворянства приобретается и как показывается».

«Дослужившиеся не из дворян до обер-офицерства в воинской службе суть дворяне и дети их, родившиеся в обер-офицерстве. А из тех, кои родились прежде, если отец будет бить челом, давать дворянство только одному, о коем отец просить будет. Гражданская и придворная служба сего титула не дает, также дослужившимся по мастерствам» (III, 22).

К словам «сего титула не дает» Радищевым сделано следующее примечание: «Указ <1>760 ноября 23. Сии не могут пользоваться и правом дворянства».⁷ Эта ссылка на указ Елизаветы Петровны, в котором введены дополнения к «Табели о рангах» 1722 г. Приведенный Радищевым указ 1760 г. не случаен. Мы располагаем рядом наблюдений над размышлениями Радищева о «Табели о рангах» — документе, дающем права на получение дворянства за личные заслуги. Так, в «Житии Федора Васильевича Ушакова» Радищев объясняет происхождение в России правила, по которому «противоречие власти начальника есть оскорбление верховной власти», именно петровской «Табелью о рангах». В примечании к приведенным словам Радищев пишет: «С вероятностью корень сего правила о непрекословном повиновении

⁴ Там же, л. 145.

⁵ Наказ ея имп. величества Екатерины Вторья, данный Комиссии о сочинении нового Уложения. СПб, 1770, с. 250.

⁶ Архив ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, № 398, л. 142.

⁷ Там же.

найти можем в воинских законоположениях и в смешении гражданских чиновников с военными. Большая часть у нас начальников в гражданском звании, начали обращение свое в службе Отечеству с военного состояния и, привыкнув давать подчиненным своим приказы, на которые возражения не терпит воинское повиновение, вступают в гражданскую службу, с приобретенными в военной мысли. Им кажется везде строй; кричит в суде на караул, и определение не редко подписывает палкою» (I, 161, примеч. «а»).

В «Путешествии из Петербурга в Москву» в главе «Хотиллов» автор «Проекта в будущем» пишет: «Между многими постановлениями, относящимися к восстановлению по возможности равенства во гражданах, нашел я табель о рангах. Сколь она была не к стати нынешним временам, и оным несоразмерна, всяк сам может вообразить» (I, 322—323).

Пожалуй, самым сильным подтверждением этих слов автора «Проекта в будущем» служит глава «Зайцово». Рассказчик, господин Крестьянкин, поведал Путешественнику трагическую историю, происшедшую в деревне одного из таких «новых дворян»: «В губернии нашей жил один дворянин, которой за несколько уже лет оставил службу. Вот его послужной список. Начал службу свою при дворе истопником, произведен лакеем, камерлакеем, потом мундшендком; какие достоинства надобны для прохождения сих степеней придворной службы, мне неизвестно ... Пробыв в мундшенках лет 15, отослан был в Герольдию, для определения по его чину. Но он чувствуя свою неспособность к делам, выпросился в отставку, и награжден чином Коллежского Ассессора; с которым он приехал в то место, где родился, то есть в нашу губернию лет шесть тому назад ... Там скоро Ассессор нашел случай купить деревню, в которой поселился с немалую своею семьею ... Г. Ассессор, произошед из самого низкаго состояния, зрел себя повелителем нескольких сотен себе подобных. Сие вскружило ему голову <...> Он себя почел вышшаго чина, крестьян почитал скотами, данными ему (едва недумал ли он, что власть его над ними, от бога произтекает) да употребляет их в работу по произволению» (I, 271). Далее Крестьянкин рассказал, как надругательство Ассессора над крепостными довело их до убийства своего господина.

Радицев, можно думать, не случайно назвал время, когда Ассессор приехал в деревню — «лет шесть назад», следовательно, в конце 70-х—начале 80-х гг. XVIII в. Служил он при дворе, начиная с истопников, 15 лет. Поэтому очевидно, что его «движение к дворянству» происходило при дворе Екатерины II и чин и дворянское звание он получил в Герольдмейстерской конторе по соизволению царствующей императрицы.

Не менее выразителен и рассказ (глава «Спасская Полесьть»), услышанный Путешественником, о курьере, посылаемом «государственным Наместником» в Петербург с якобы важным доне-

сением, на самом же деле «за устерсами <...> к лавочнику Корзинкину». Курьер Н. Н., исправно привозящий «устерсы», также по «Табели о рангах» получает повышение в чине.

Эти рассказы об Ассессоре и о курьере Н. Н. являются художественным комментарием к размышлениям Радищева о новых формах использования петровской «Табели о рангах» в условиях изменившейся исторической действительности второй половины XVIII в.

Новейший исследователь становления русского абсолютизма С. М. Троицкий отмечает эволюцию «Табели о рангах» в 20—60-х гг. XVIII в. Исследователь пишет, что уже при первых преобразованиях Петра I в «Табель о рангах» были внесены некоторые изменения. Особенно серьезные поправки характеризуют период «после издания Манифеста о вольности дворянства 1762 г. до конца 60-х годов XVIII в., когда правительство Екатерины II издало ряд законов, направленных на дальнейшую бюрократизацию аппарата управления».⁸ В реализации Манифеста 1762 г., как указывает С. М. Троицкий, «сыграла роль придворная группировка братьев М. И. и Р. И. Воронцовых, отстаивавших политику дворянских привилегий, в частности освобождение дворян от обязательной государственной службы».

В 70-х гг. XVIII в. Екатерина II ввела в «Табель о рангах» новые чины; были увеличены должности канцелярского штата», что «отражало растущую бюрократизацию государственного аппарата».⁹ Было произведено наделение обер-офицерами рангами художников и архитекторов — профессоров Академии художеств, включены в «Табель о рангах» низшие придворные должности. Мы помним, что это обстоятельство вызвало резко сатирические вопросы Д. И. Фонвизина к журналу «Собеседник любителей российского слова». Четырнадцатый вопрос «из могущих возбудить в умных и честных людях особенное внимание» был сформулирован так: «Отчего, — спрашивал Фонвизин, — в прежние времена шуты, шпыны и балагуры чинов не имели, а ныне имеют и весьма большие?».

Это был очевидный намек на многочисленных «ласкателей» и фаворитов императрицы. Екатерина II резко ответила через журнал: «Сей вопрос родился от свободоязычия, которого предки наши не имели».¹⁰

Таким образом, протест Радищева направлен не непосредственно против «Табели о рангах», а против награждения дворянством, и, следовательно, правом владения крестьянами, необразованных выходцев из низших сословий, возвысившихся не заслугами перед отечеством (как было в петровское время),

⁸ Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974, с. 119—143.

⁹ Там же, с. 150—151.

¹⁰ См.: Русская литература XVIII века. Сост. Г. П. Макогоненко. Л., 1970, с. 349.

а «выслугою» и чаще «ласкательством». Судьбы зайцовского Ассессора и курьера Н. Н. были яркими образцами использования петровской «Табели о рангах» в условиях бюрократизации государственного аппарата и развития фаворитизма при Екатерине II.

Еще акад. М. И. Сухомлинов отмечал пародийные приемы, примененные Радищевым в некоторых главах «Путешествия из Петербурга в Москву»: в «Спасской Полести», «Хотилове» и «Выдропуске». При этом ученый не назвал конкретного адресата пародии. Он писал: «Речи странницы-истины, снимающей бельма, звучали диссонансом в общем хоре торжественных восхвалений, а „проект в будущем“ представляется пародией на хвалебную лирику и на некоторые официальные акты».¹¹

В настоящее время в комментарии к «Путешествию из Петербурга в Москву» Л. И. Кулаковой и В. А. Западава показано, как в различных главах этого произведения «просвечивает» пародийное использование Радищевым официальных выступлений и речей Екатерины II.¹² Наши наблюдения полностью подтверждают и расширяют эти выводы.

Главным объектом сатирического использования оказывается «Наказ» Екатерины II, наполненный просветительской фразеологией. Русская императрица писала о равенстве всех граждан перед законами (гл. V, § 34), о государственной вольности, порождающей наслаждение «безопасностью»; «чтобы люди имели сию вольность, надлежит быть закону такову, чтобы один гражданин не мог бояться другого, а боялись бы все одних законов» (гл. V, § 39).¹³ Екатерина II говорила о естественных законах, которые «повелевают нам по силе нашей и благополучию всех людей нещиза» (гл. XI, § 253). В следующем параграфе она писала: «Следовательно, и избегаи случаев, чтоб не приводить людей в неволю, разве крайняя необходимость в учинении того приведет, и то не для собственной корысти, но для пользы государственной» (гл. XI, § 253).¹⁴ Заканчивается «Наказ» весьма красноречиво: «... мы думаем и за славу себе вменяем сказать, что мы сотворены для нашего народа и по сей причине мы обязаны говорить о вещах так, как они быть должны».¹⁵

В «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищев показывает реальные результаты царствования «просвещенного монарха», каким постоянно представляла себя Екатерина II.

Обездоленные, «мертвые в законе» земледельцы с их суровой долей, самоуправство и необузданный разврат помещиков, нищета

¹¹ Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению, т. I. СПб., 1889, с. 574—575.

¹² Кулакова Л. И., Западава В. А. А. Н. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву». Комментарий. Л., 1974, с. 55, 71, 80—81.

¹³ Наказ..., с. 20, 22.

¹⁴ Там же, с. 176, 178.

¹⁵ Там же, с. 338.

большей части населения — все это совсем не похоже на картины процветающей России, нарисованные в манифестах и в «Наказе» императрицы. И это — более чем через 25 лет после ее восшествия на престол и через 20 лет после торжественной публикации «Наказа».¹⁶

Безусловно, именно «Наказ» как официальный документ царствования Екатерины II стал в первую очередь объектом анализа Радищева-юриста, что нашло отражение в его трактате «Опыт о законодательстве», и Радищева-писателя, ярко раскрывшего в своей книге «Путешествие из Петербурга в Москву» подлинную жизнь русского народа, коснувшись самых важных общественно-политических вопросов. И прежде всего — вопроса о происхождении самодержавия.

Еще в 1773 г., вскоре после возвращения из Лейпцига в Петербург, Радищев перевел книгу французского политического мыслителя, историка и публициста, оказавшего огромное влияние на развитие просветительских идей предреволюционной Европы, Габриэля Бонно де Мабли «Размышления о греческой истории или о причинах благоденствия и несчастья Греков». Книгу Мабли Радищев изучал еще в годы учения в Лейпциге, о чем свидетельствуют материалы, впервые введенные в науку Я. Л. Барсковым.¹⁷

Точно передавая содержание книги Мабли, Радищев прибавил к ее тексту семь примечаний, которые позволяют исследователям понять не только причины, побудившие молодого ученого юриста осуществить перевод книги, во многом созвучной его идеям, но и более глубоко воспринять его собственные общественно-политические взгляды, характеризующие Радищева как передового мыслителя, близкого к Гердеру, Монтескье и Руссо.

Так, рассказывая о демократическом, «вольном» устройстве древнегреческих республик, Радищев пишет: «Тогда любовь к безподданству стала отличающим Греков качеством: даже царское имя им стало ненавистно <...> Самодержавно управляемая Греция не произвела бы ни законов, ни художеств, ни добродетелей, вольностию и соревнованием в ней произращенных» (II, 232). Говоря о законах Ликурга, Радищев высказывает мнение о том, что «политика должна конечно повиноваться расположению умов и не оскорблять народные нравы, когда она дает законы великому государству, для того что *народный разум необходимо сильнее разума законодателя*» (II, 235; курсив мой, — Г. М.). И особенно важно отметить примечание к слову «самодержавство, отъемлющее у души все ея пружины». Радищев пишет: «Самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние.

¹⁶ В 1787 г. Екатерина II торжественно отмечала 25-летие своего царствования.

¹⁷ Барсков Я. Л. А. Н. Радищев. Жизнь и личность. Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. М., 1935, с. 89—90.

Мы не токмо не можем дать над собою неограниченной власти; но ниже закон, извет общия воли, не имеет другого права наказывать преступников опричь права собственные сохранности. Если мы живем под властью законов, то сие не для того, что мы оное делать должныем неотменно; но для того, что мы находим в оном выгоды. Если мы уделяем закону часть наших прав и нашея природныя власти, то дабы она употребляема была в нашу пользу; о сем мы делаем с обществом *безмолвный* договор. Если он нарушен, то и мы освобождаемся от нашея *обязанности*. Неправосудие государя дает народу, его судии, то же и более над ним право, какое ему дает закон над преступниками. *Государь есть первый гражданин народнаго общества*» (II, 282).

Спустя 15 лет в «Опыте о законодавстве» Радищев пишет: «В России находим два члена общества: государь и народ». Государь — не «первый гражданин общества»: он отделен непроходимой стеной неограниченной власти, его поступки диктуются исключительно его волею, «которая в России является законом».

Радищев обращается к древней русской истории, чтобы понять, как произошла эта узурпация власти, отобранной у народа, как значительная часть населения страны потеряла личную свободу и стала собственностью других людей.

Анализ выписок Радищева из древнерусских памятников и исторических трудов XVIII в. дает возможность представить часть источников. Но, по-видимому, он их знал значительно больше. Сохранилась изданная в 1767 г. «Летопись Несторова», внимательно прочтенная им, с многочисленными заметками на полях и выписками. «История российской» Татищева по изданию Г.-Ф. Миллера 1768 г., «Русская Правда» с примечаниями В. Н. Татищева, «История Сибири» Г.-Ф. Миллера, изданная в 1750 г., статья Г.-Ф. Миллера «Краткое повествование о начале Новгорода и о происхождении Российского народа, о новгородских князьях и знатных онаго периода случаях», опубликованные в журнале «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие» в 1761 г. (с июля по октябрь), — представлены выписками Радищева.¹⁸

Но очевидно, что Радищеву были известны и другие печатные книги, относящиеся к древней русской истории: издание новгородской летописи 1786 г., сочинения по истории России Ломоносова — «Краткий российский летописец с родословием» (1760) и «Древняя российская история» (1766), «Записки касательно российской истории» Екатерины II, впервые изданные в 1783—1784 гг. в журнале «Собеседник любителей российского слова», а в 1787—1794 гг. вышедшие отдельным изданием (ч. 1—6).

Выписки из древнерусских исторических источников дают возможность Радищеву, исходя из договорной теории происхожде-

¹⁸ См.: Радищев А. Н. Полн. собр. соч., т. III. М.—Л., 1952, с. 30—40 и др.

ния общества, находить обоснование этой теории. Он полагает, что исконной формой государственного устройства древних славян была вечевая республика, управляемая народом. По решению веча князья приглашались и изгонялись «со стола». Наиболее ярко такое политическое устройство проявилось в Новгородской республике. Следы вечевого устройства Радищев видит и в других древнейших городах: Киеве, Пскове, Полоцке, Суздале и Владимире.

С «вечевой» теорией Радищева связано и его представление о роли варягов на Руси. Если сторонники «норманской» теории происхождения Русского государства полагали варягов, призванных союзом славянских племен для княжения, законными правителями, а их наследников — естественными наследниками царской династии, то Радищев считает варягов завоевателями, силою отнявшими власть и права народа. Отсюда проистекает его теория незаконности и противоестественности самодержавной власти начиная с древнейшей поры до современности. Отсюда и особое отношение Радищева к периоду феодальной раздробленности на Руси XI—XV вв. Радищев полагает, что в это время не было одного великого князя, а каждый из удельных князей совместно с вечем мог самостоятельно решать важные политические вопросы, и князья неоднократно вынуждены были подчиняться решениям, принятым на съездах. Особенно отмечает Радищев черты «договорного» начала в крестоцеловании князя, своего рода клятве, данной народу на сохранение его прав. Не феодальная раздробленность Руси и удельные междоусобицы являются причиной ослабления государства, а самодержавное правление великих князей послужило началом экономической и культурной отсталости России: так трактует Радищев выписку из летописи о «мнозих» философах, бывших при дворе Ярослава Мудрого. Окончательное падение вольности на Руси Радищев связывает с периодом правления Ивана Калиты, впервые утвердившим «наследие единого сына по себе». В связи с этим он рассматривает присоединение Новгорода к Москве в результате походов Ивана III (в 1478 г.) и его внука Ивана Грозного (в 1572 г.) как одно из наиболее ярких черт своеволия самодержавных владык, подчинивших себе свободный город, увезших в Москву вечевой колокол — «палладиум новгородской вольности» и отменивших права, данные новгородцам Ярославом Мудрым, — «Русскую Правду».

С исследованием «Русской Правды» — древнейшего законодательного памятника, определявшего юридические нормы Русского государства, связан интерес Радищева к вопросу о происхождении крепостного права. Он изучает «Судебник» Ивана Грозного (1550), узаконение Федора Иоанновича и Бориса Годунова, «Уложение» Алексея Михайловича 1649 г. и «Табель о рангах» 1722 г., окончательно закрепивших крестьян за землей и уравнявших вотчину с поместьем. Радищев обвиняет Петра I в том,

что этим указом он «изтребил последние признаки дикой вольности своего отечества» (I, 150—151).

Изучение Радищевым памятников древнерусской литературы имеет и еще один аспект: оно полемически направлено на опровержение исторической концепции императрицы Екатерины II. И хотя Радищев прямо нигде не ссылается на «Записки касательно российской истории», сопоставление его исторических взглядов с положениями, декларированными «венценосным историком», наглядно свидетельствует об этом.

Обратимся к тем экскурсам в русскую историю, к попыткам понять русский национальный характер, которые нашли свое отражение в «Путешествии из Петербурга в Москву».

Уже в первой главе «София» Радищев, размышляя о русской песне, говорит о том, что в ней отражается характер народа: «Посмотри на рускаго человека; найдеш его задумчива. Если захочет разогнать скуку, или как то он сам называет, если захочет повеселиться, то идет в кабак. В веселии своем порывист, отважен, сварлив. Если что либо случится не по нем, то скоро начинает спор или битву. — Бурлак идущий в кабак повеся голову и возвращающейя обогренной кровию от оплеух, многое может решить доселе гадательное в Истории Российской» (I, 230).

Вопрос о русском национальном характере обсуждался в 80-е гг. XVIII в. на страницах журналов. В 1783 г. на вопрос Д. И. Фонвизина: «В чем состоит наш национальный характер?», Екатерина II отвечала в журнале «Собеседник любителей российского слова»: «В остром и скором понятии всего, в образцовом послушании и в корени всех добродетелей, от творца человеку данных». Ответ Радищева прямо противоположен мнению Екатерины II: «В веселии своем порывист, отважен, сварлив». Более того, заключительные слова «многое может решить доселе гадательное в Истории Российской» свидетельствуют о том, что мнение Радищева распространяется не только на современные события, но и на историческое прошлое.

Известно, что в «Записках касательно российской истории» Екатерина II изложила древнейший период новгородской истории в соответствии со своими политическими взглядами (используя в качестве источника Иоакимовскую летопись в изложении В. Н. Татищева).¹⁹

Новгородский князь Гостомysl, умирая, оставил завещание своим подданным, чтобы по смерти его был призван владеть в Новгород Рюрик с братьями. Услышав о несогласии, своеволии, прихоти и беспорядке новгородцев, Рюрик с трудом согласился на это предложение.

¹⁹ См.: *Моисеева Г. Н.* Древнерусские памятники в драмах Екатерины II. — ТОДРЛ, т. 28. Л., 1974. с. 289—292

Сюжет о призвании Рюрика был представлен Екатериной II не только в историческом сочинении, но и в драматическом произведении «Историческое представление из жизни Рюрика», изданном в 1786 г. Драма начинается речью умирающего Гостомысла, обращенной к старейшинам «славен, руси, чуди, веси, мери, кривич и дрягович: „Я вижу между вами несогласие, всяк из вас по своей мысли и прихоти правит и судит <...> сами собою править не можете: и для того по кончине моей надобно вам князя, который бы над вами владел“». ²⁰ Выступивший против Рюрика молодой новгородский князь Вадим (внук Гостомысла от младшей дочери) показан дерзким, неумным, честолюбивым юношей, которого Рюрик посрамляет и заставляет превозносить добродетели своего врага. В «Записках касательно российской истории» Екатерина II неоднократно подчеркивала своеволие и упрямство новгородцев.

В полемику с императрицей-историком вступил Я. Б. Княжнин. В 1789 г. он закончил трагедию «Вадим Новгородский», в которой показал героизм и отвагу защитника новгородской вольности. Вадим Княжнина предпочитает смерть рабству.

Но, как уже справедливо отметил В. Н. Бернадский, Радищев в своей борьбе с Екатериной II пошел значительно дальше Княжнина. ²¹

Первая часть главы «Новгород» является глубоко продуманным и аргументированным опровержением суждений Екатерины II о древнем Новгороде и новгородцах. «Новгород имел народное правление, — пишет Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву». — Народ в собрании своем на вече, был истинный Государь <...> В Новгороде был колокол, по звону которого народ собирался на вече для разсуждения о вещах общественных» (I, 262, 264). Экономический и политический расцвет Новгорода — результат благотворного влияния народовластия. Радищев пишет: «Укрепляясь в вольности, расширяя свою торговлю, Новгород распространил свое владычество на все северные страны России, куда власть татарская не досязала» (II, 145).

После того как царь московский Иван Васильевич (Радищев дает как бы обобщенный образ Ивана Васильевича III и его внука Ивана IV) увез в Москву вечевой колокол, отдал грамоту о новгородских вольностях и разорил Новгород «до основания», история прекратила свое развитие: «Потом. В 1500 году — в 1600 году — в 1700 году — году — году Новгород стоял на прежнем месте» (I, 264).

²⁰ Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей с объяснительными примечаниями академика А. Н. Пыпина, т. 2. СПб., 1901, с. 221.

²¹ Бернадский В. Н. А. Н. Радищев об истории Великого Новгорода. — Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, Кафедра русской литературы, 1958, т. 170, с. 75.

Историческая концепция Радищева, изложенная в главе «Новгород», была отмечена в замечаниях при чтении Екатериной II «Путешествия из Петербурга в Москву»: «99.100.101. Говоря о Новгороде, о вольном его правлении и о суровости царя Ивана Васильевича, не говорит о причине сей казни, а причина была, что Новгород, приняв унию, предался Полской республике, следовательно, царь казнил отступников и изменников, в чем, по истине сказать, меру не нашел».²² Во втором замечании на главу «Новгород» Екатерина II написала: «...сей вопрос тут делается, дабы отвергать власть».²³

В ряде замечаний при чтении «Путешествия из Петербурга в Москву» Екатерина II правильно отметила общую направленность книги Радищева. Она уловила свободомыслие автора, его гневное обличение самодержавия как политической системы и увидела, что автор поразительно ярко нарисовал ее портрет, полемически направленный на опровержение идеализированного образа просвещенной монархии, создаваемого как ею самою (в «Наказе»), так и одописцами и художниками, придворными льстецами и фаворитами.

Русская история — древняя и современная — оказалась в сочинениях Радищева 80-х гг. XVIII в. неопровержимым доказательством противоестественности и пагубности самодержавного строя России, порождающего безмерные «страдания человечества».

---

²² Бабкин Д. С. Процесс А. Н. Радищева. М.—Л., 1952, с. 158.

²³ Там же, с. 158.